

Таллиннский университет
Институт славянских языков и культур

**КУЛЬТУРА
РУССКОЙ ДИАСПОРЫ:
ЭМИГРАЦИЯ И МИФЫ**

СБОРНИК СТАТЕЙ

Издательство Таллиннского университета
Таллинн 2012

ACTA Universitatis Tallinnensis

РУССКО-ЕВРЕЙСКИЕ ШУТКИ: АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ ГЛАЗАМИ ДОВИДА КНУТА

С. Н. Доценко
(Таллин)

Биографические пути А. Ремизова и Д. Кнута пересеклись в Париже в начале 1930-х годов. Тесного и длительного сближения двух писателей не произошло, хотя после знакомства, видимо, они обменивались письмами – уже после войны, когда в 1949 г. Кнут оказался в Израиле, а Ремизов доживал свои годы в «русском Париже». Но достаточно яркий и интересный след этого знакомства мы находим в мемуарном очерке Д. Кнута «Встреча с Алексеем Ремизовым»¹. В своем мемуарном очерке Кнут не прошел мимо важнейшей стороны личности и биографии Ремизова: его пристрастия к розыгрышам и мистификациям, и, в частности, рассказал о его знаменитом Обезвельволпале (Обезьяньей Великой и Вольной палате), шуточной (и не только) игре, в которую Ремизов играл почти всю жизнь.

Прежде всего неясным остается вопрос: был ли сам Д. Кнут кавалером Обезвельволпала? В известных на сегодняшний день документах, относящихся к Обезвельволпалу, имя Кнута не обнаружено². Но, помимо этого, есть основания полагать, что Кнут не был кавалером Обезвельволпала, – если опи-

¹ Очерк был написан в 1953 г. (23 окт. 1953 г. напечатан на иврите в газ. «Гаарец»). В. Хазан в комментарии указывает, что очерк Д. Кнута, скорее всего, изначально был написан на русском языке, а публикуемый им обратный перевод (с иврита на русский) текста очерка нельзя считать полностью аутентичным (см.: *Кнут Д.* Собр. соч.: В 2 т. Иерусалим, 1997. Т. 1. С. 368-369).

² См.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 332-368. По свидетельству Е. Обатниной, на сегодняшний день известны имена 345 «князей»,

раться на его же мемуарный очерк. Вот что он пишет: «Еще в дореволюционной России Ремизов основал “Великую и Вольную Обезьянью Палату”. От имени этой Палаты, которая в его глазах была неким русским вариантом французского Ордена Почетного легиона, Ремизов вручал тем, кого считал выдающимися личностями, мудреные удостоверения, свидетельствующие об их принадлежности к “Обезвелволпалу”. И бывало, что некто действительно заслуженный не мог решить, обижаться или гордиться ему следует, что он произведен в “обезьяньи кавалеры”?»³

Очевидно, что если бы Кнут был кавалером Обезвелволпала, он обязательно упомянул бы об этом факте. С другой стороны, явные ошибки Кнута при описании обезьяньих грамот говорят о том, что он их видел, но – не все в них запомнил, а тем более – не все в них понимал. В частности, весьма характерны неточности в описании этикета ремизовских обезьяньих грамот: «Почетное свидетельство заверялось особым образом: рядом с каким-то странным пятном стояло: “Заверяю и подписываюсь собственноручно, председатель Палаты. Главная обезьяна” (и далее шло полное имя, которое я запомнил)» (I, 283).

Насчет «подписываюсь собственноручно» – все верно, на многих грамотах есть такая этикетная формула. Но должности «председатель Палаты» – такой должности не было. А что касается «главной обезьяны», то и такого именованья на грамотах не было. Наиболее часто встречающаяся на «обезьяньих грамотах» этикетная формула выглядела так: «Асыка царь обезьяний собственноручно», обычно – справа (и чуть ниже) от жирного росчерка. Так на обезьяньей грамоте

«кавалеров» и прочих членов Обезвелволпала (Там же. С. 332), хотя этот список, несомненно, не является полным.

³ Кнут Д. Встреча с Алексеем Ремизовым // Кнут Д. Собр. соч.: В 2 т. Иерусалим, 1997. Т. 1. С. 283. В дальнейшем ссылки на это издание даются непосредственно в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.

Вл. Ходасевича, выданной 27 янв. 1921 г.⁴ Или: «Царь обезьяний Асыка собственноручно» (на грамоте М. Зоценко, выданной 30 мая 1921 г.)⁵; или: «Царь Асыка обезьяний собственноручно» – так на грамоте А. А. Осипову (23 окт. 1923 г.)⁶. А сам Ремизов «скреплял» обезьяньи грамоты как «канцелярист Обезвелволпала». Но полное имя царя Асыки на грамотах не писалось. А запомнить это имя действительно было трудно. Выглядело оно так: «Асыка-Валахтантарарахтарандаруфа-Асыка-Первый-Обезьян-Великий». Полное имя обезьяньего царя Асыки было приведено в «Конституции» Обезвелволпала, напечатанной в книге Ремизова «Взвихренная Русь» (Париж, 1927). Видимо, именно из этого источника оно запомнилось Д. Кнуту, но, будучи длинным и бессмысленным, запомнилось плохо⁷.

Другая фактическая неточность – утверждение Кнута, будто Обезвелволпал в глазах Ремизова была «неким русским вариантом французского Ордена Почетного легиона <...>» (I, 283). Генезис и (особенно!) функция Обезвелволпала, конечно же, были другими. Хотя такая аналогия вполне объяснима: и в том, и в другом случае – «кавалеры», и там и там – выдаются грамоты и «обезьяньи знаки» (своего рода «ордена») для ношения.

Д. Кнут пишет о том, что «обезьяньи» грамоты «Ремизов вручал тем, кого считал выдающимися личностями <...>» (I, 283). Но это не совсем верно. Действительно, среди кавалеров и князей Обезвелволпала были многие знаменитые

⁴ См.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные (гл. «Коллекция», без пагинации).

⁵ См. также обезьяньи грамоты А. Ахматовой (выдана 5 авг. 1921 г.), Б. Сосинского (выдана 7 июля 1925 г.), С. Эфрона (выдана 20 марта 1926 г.) в кн.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные (гл. «Коллекция», без пагинации).

⁶ См.: Там же.

⁷ Более подробно о генезисе и функции имени царя Асыки см.: *Доценко С.* Почему обезьяна кричит петухом: К объяснению одного мотива в творчестве А. М. Ремизова // *Wiener Slawistischer Almanach.* 1998. Bd. 42. S. 117-121.

современники Ремизова: М. Горький, В. Розанов, Е. Замятин, М. Зощенко, А. Толстой, А. Блок, Вл. Ходасевич, А. Белый, Ю. Анненков, А. Ахматова, А. Бенуа, Е. Аничков, Н. Бердяев, М. Гершензон, Н. Гумилев, М. Добужинский, Б. Зайцев, И. Ильин, А. Керенский, Н. Клюев, С. Есенин, А. Ф. Кони, М. Кузмин, С. Лифарь, А. Лядов, С. Маковский, Вс. Мейерхольд, Б. Пильняк, М. Пришвин, Б. Савинков, Д. Святополк-Мирский, Ф. Сологуб, К. Сомов, Ф. Степун, К. Чуковский, С. Чехонин, Л. Шестов, В. Шишков, И. Шмелев, П. Щеголев, И. Эренбург и мн. др. Однако основанием для членства в Обезвельволпале были вовсе не известность или статус «выдающейся личности», а прежде всего – игровое, «детское» отношение к жизни и людям, т. е. то, что более всего любил и ценил в людях сам Ремизов⁸. Среди кавалеров Обезвельволпала мы найдем немало людей либо малоизвестных, либо неизвестных вовсе (в том числе – родственников друзей и знакомых Ремизова, включая детей

⁸ См. в письме Ремизова А. Седых (1952): «Спасибо за память: вспомнили Обезвельволпал. Открыта 45 лет тому назад в Москве. Сколько великих прошло через эту виноградную Палату, а я остаюсь несменяемым канцеляристом, теперь заштатный, так под грамотами и подписываюсь. Обезьяньи грамоты вносили и в самую темь нашей жизни только веселость и никто никогда не оскалдился схватить меня себе на зуб. Потому и Вы с улыбкой вспомнили меня» (*Седых Андрей*. Далекие, близкие. 3-е изд. Нью-Йорк, 1979. С. 111). Впрочем, это не исключало того, что иногда Ремизов выдавал обезьяньи грамоты из прагматических соображений, о чем вспоминал Р. Гуль: «Ремизов – хитрюга и ловкач. Любил, чтоб о нем писали (хвалебно, конечно). Посему, наверное, вскоре и Яценко и я получили из его Обезвельволпала (Великой Обезьяньей Вольной Палаты) превосходные грамоты, удостоверяющие, что мы возведены в кавалеры 1-й степени сего фантастического, придуманного Ремизовым, ордена. Яценко – с заяшными шариками. А я – с васильками. Грамоты эти Ремизов писал сам на плотной бумаге удивительной, старинной славянской вязью со всякими выкрутасами и росчерками и неизменно подписывал: скрепил забеглый канцелярист Обезвельволпала Алексей Ремизов. Когда я потерял грамоту, А. М. прислал мне, уже из Парижа, “взамен чудесно пропавшей грамоты” – новую, замечательную, с возведением меня уже в “берлинские полпреды Обезвельволпала”, с подписями мексиканского полпреда Д. Святополк-Мирского, парижского полпреда П. Сувчинского, а скрепил, конечно, забеглый канцелярист Алексей Ремизов» (*Гуль Р*. Я унес Россию: Апология эмиграции. Нью-Йорк, 1981. Т. 1. С. 81).

самого разного возраста). Кстати, самый первый обезьяний знак был выдан «Ляляшке», племяннице Ремизова Елене Сергеевне Ремизовой (1902-1976), когда она была еще ребенком⁹. И, напротив, многие знаменитые знакомые и современники Ремизова так и не стали кавалерами Обезвельволпала (напр., Вяч. Иванов, З. Гиппиус, Д. Мережковский, К. Бальмонт, В. Брюсов, М. Цветаева, В. Набоков). Очевидно, что Д. Кнут не был посвящен в тонкости приема в это «обезьянье» общество.

Но гораздо важнее другое: Кнут довольно точно подметил игровую природу этой мистификации Ремизова, как и вообще игровую природу его шуток и розыгрышей. Некоторые из них он сам описывает, причем те, в которых он сам оказался объектом шуточных розыгрышей, хотя их смысл он порой не понимал до конца. Случилось это во время визита Д. Кнута к Ремизову (видимо, в конце 1933 г.)¹⁰.

«Первая неожиданность подстерегала меня уже на пороге его квартиры, находившейся в большом доме в парижском квартале Отей. В этом доме, заселенном русскими беженцами, в котором были кой-какие удобства и который чем-то напоминал дома коммунального типа здесь, в Израиле, над дверью писателя вместо кнопки звонка... висел обезьяний хвост. Потянув за него, я попал в квартиру, которая оказалась битком набита

⁹ «А сама мысль об обезьяньем знаке вышла из игры. Проездом в Петербург каждую осень мы останавливались в Москве. Из писателей в Москве об эту пору встретить кого было не так просто, все разъезжались по всяким Малаховкам. И я играл с своей маленькой племянницей, Ляляшкой (Елена Сергеевна Ремизова). Надо было чего-нибудь особенное придумывать. Она приставала ко мне сделать ей такое, чего ни у кого нет. Вот тут-то я и сделал ей обезьяний знак “для ношения тайно”» (Ремизов А. Собр. соч. М., 2002. Т. 7: Ахру. С. 59).

¹⁰ В окт. 1932 г. Ремизов и его жена, С. П. Ремизова-Довгелло, поселились в квартале Отей (Auteuil) на улице Буало (rue Voileau, 7). Именно об этой знаменитой парижской квартире Ремизова идет речь в очерке Д. Кнута. След знакомства Ремизова с Д. Кнутом остался в письме Ремизова З. Шаховской от 21 окт. 1932 г., где он сообщает ей парижский адрес Кнута: «Monsieur Eberlin pour Д. К. (Довид Миронович) 12, square du Port Royal, Paris 13°» (Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 135).

всякой всячиной. Тут начались мои приключения. Ремизов с выражением радушия на лице тотчас сообщил, что на проходивший в Праге конкурс “Живопись Писателей» он послал мой портрет¹¹. Легко представить мое удивление, ведь то была первая наша встреча!

“Вы писали портрет с фотографии в газете, Алексей Михайлович?” – спросил я у него.

“Ну вот еще! С какой стати? – ответил хозяин и глазом не моргнув, – я писал по воображению, – разве я не знаком с вашей поэзией”, и тут же прочитал по памяти одно из моих стихотворений – “Еврей”. Спустя какое-то время выяснилось, что он действительно отправил в Прагу загадочную геометрическую картину, указав, что это мой портрет» (I, 283).

Другой розыгрыш произошел во время того же посещения Ремизова: «Потчужа меня чаем, Ремизов что-то шепнул на ухо жене (которая, кстати, представляла полную противоположность мужу: рядом с ним, маленьким, щуплым и сгорбленным, она неожиданно оказалась высокой, широкой в кости и дородной дамой). Тотчас же была принесена коробка, полная чем-то внешне напоминавшим доисторическое печенье. И точно: надкусив одно из них, я сразу убедился, что оно твердое, как настоящий камень. На меня смотрели выжидательно, и я не знал, как себя вести. Видя мое затруднение, Ремизов радостно воскликнул: “Ну, как оно вам? Замечательное печенье, не правда ли? Оно из Стамбула, мы питаемся им из экономии”. Мое смущение еще более усилилось, когда я вспомнил, что супруги побывали в Стамбуле лет десять назад¹². Странный вечер провел я в тот день в доме Ремизова. Гостей, как помнится, была много, но писателей – единицы. Временами трудно было

¹¹ Организатор выставки «Рисунки русских писателей» (Прага, 1933), художник Н. В. Зарецкий, составил каталог этой выставки (единственный рукописный экземпляр, 227 страниц и 248 рисунков-клише, хран. в Колумбийском ун-те).

¹² Ремизов в Стамбуле не был, это – явная мистификация.

понять, шутит ли, издевается ли над тобой Ремизов, или он и впрямь живет в ином мире» (I, 284).

В этом эпизоде проявился один из самых характерных розыгрышей Ремизова, смысл которого заключался в следующем: поставить гостя в неловкую и даже нелепую ситуацию, а затем наблюдать, как он будет из нее выпутываться. Далеко не все знакомые Ремизова находили выход из неловкой ситуации, а некоторые – всерьез обижались¹³. Судя по рассказу Д. Кнута, ему удалось выйти благополучно из истории с «доисторическим печеньем». Возможно, сама шутка с ним была рассчитана именно на Кнута. А точнее – на того лирического героя, который был создан последним в знаменитом стихотворении «Я, Довид-Ари бен Меир...» (1925). Дело в том, что в то посещение Ремизов прочитал наизусть стихотворение Кнута «Евреи». Но, как указывает в комментарии В. Хазан, стихотворения с таким названием у Д. Кнута не обнаружено. В связи с этим комментатор предположил, что под таким названием Д. Кнут (или Ремизов?) подразумевал свое стихотворение «Я, Довид-Ари бен Меир...», открывавшее его книгу стихотворений «Моих тысячелетий» (Париж, 1925).

В этом стихотворении лирический герой Кнута («авторское Я») выступает как олицетворение всей многотысячелетней истории еврейского народа – начиная с библейской истории

¹³ В негативной оценке ремизовских шуток и мистификаций особенно резок был писатель В. Яновский: «Часто, часто я просто не мог смотреть Ремизову в глаза, как бывает, когда подозреваешь ближнего в бесполезной и грубой лжи. Сперва неосознанным образом, но постепенно все определеннее, я начал понимать, что именно раздражает меня в Ремизове и в его окружении... Какая-то хроническая, застарелая, всепокрывающая фальшь. По существу, и литература его не была лишена манерной, цирковой клоунады, несмотря на все пронзительно-искренние выкрики от боли» (Яновский В. Поля Елисейские: Кн. памяти. СПб., 1993. С. 186). См. также отзыв Р. Гуля в письме Н. Зарецкому от 2 сент. 1932 г.: «Ремизову я бросил писать. Ну его к е<...>й матери. Он как-то мне написал такую какую-то канитель с вывертом, что я плюнул. Пошляк он, между нами говоря. Не люблю. И на хрен он мне нужен... Больше года не писал ему. И не собираюсь» (цит. по: Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные. С. 321).

Давида и Саула и кончая современной историей ребенка, живущего в черте оседлости, в Бессарабии:

«Я помню все: скорбь вавилонских рек,
И скрип телег, и дребезги кино,
И дым, и вонь отцовской бакалейки –
Айва, халва, чеснок и папушой, –
Где я стерег от пальцев молдаван
Заплесневелые рогали и тарань» (I, 78).

В последних 4-х строчках очевидны автобиографические мотивы: Кнут некогда жил в Кишиневе, был сыном бакалейщика и торговал в отцовской лавке¹⁴. Вот эти самые «заплесневелые рогали» из еврейской бакалейной лавки в Кишиневе неожиданно вспомнились в 1933 г. в Париже, когда Ремизов предложил Д. Кнуту, сыну еврейского бакалейщика, печенье, пролежавшее в коробке 10 лет и ставшее совершенно несъедобным. В этом же ряду «еврейских» ассоциаций – иронически-лукавый вопрос Ремизова: «Ну, как оно вам? Замечательное печенье, не правда ли? Оно из Стамбула, мы питаемся им из экономии».

Ключевое слово здесь – «экономия». Экономия (как и ее более негативный вариант: скупость) – стереотипная черта собирательного образа еврея, которая в массовом сознании становится якобы характерной чертой еврейского национального характера¹⁵. Ремизов представляет сценку, обыгрывая

¹⁴ См.: Федоров Ф. П. Довид Кнут. М., 2005. С. 28-29.

¹⁵ Образ алчного еврея видим, напр., в «Тарасе Бульбе» Гоголя: «Этот жид был известный Янкель. Он уже очутился тут арендатором и корчмарем; прибрал понемногу всех окружных панов и шляхтичей в свои руки, высосал понемногу почти все деньги и сильно означил свое жидовское присутствие в той стране. <...> Тарас вошел в светлицу. Жид молился, накрывшись своим довольно запаханным саваном, и оборотился, чтобы в последний раз плюнуть, по обычаю своей веры, как вдруг глаза его встретили стоявшего назади Бульбу. Так и бросились жиду прежде всего в глаза две тысячи червонных, которые были обещаны за его голову; но он постыдился своей корысти и силится подавить в себе вечную мысль о золоте,

в том числе и этот анекдотический стереотип: он угощает своего гостя-еврея так, как мог бы угощать его скупой еврей из анекдота. Таким образом, национальность гостя спровоцировала специфическую шутку-розыгрыш – шутку на тему «еврейской скупости». Судя по реакции Д. Кнута, этот «национальный» подтекст шутки остался ему непонятным. Коробку из-под печенья, которая предлагалась гостям Ремизова в качестве угощения к чаю, упоминает Вл. (Бронислав) Сосинский: «В “кукушкиной” (где часы с кукушкой) будем чай пить с “конуркой” – коробка с сухариками, каждый раз подкладывается, из-под дна можно вынуть и рождественское, а в середине пасхальное... То есть то, что от пирушек на улице Буало оставалось недоеденным»¹⁶.

Наконец, Д. Кнут описывает еще один розыгрыш Ремизова: «Чуть позднее, в разгаре общей беседы, лицо Ремизова вдруг

которая, как червь, обвивает душу жида <курсив мой. – С.Д.>» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1937. Т. 2. С. 150; см. также: Дудаков С. История одного мифа: Очерки русской литературы XIX–XX вв. М., 1993. С. 64–69.

¹⁶ *Сосинский В. Конурка: (Об Алексее Ремизове, Александре Алексине, братьях Модильяни и других) // Вопросы литературы. 1991. № 6 (июнь). С. 170. См. также в кн. «Мышкина дудочка» (1953): «В “кукушкиной” будем чай пить с “конуркой” – коробка с сухариками, каждый раз подкладывается, из-под дна можно вынуть и рождественское, а в середине – пасхальное <...>» (Ремизов А. Собр. соч. М., 2003. Т. 10: Петербургский буерак. С. 112). «Конурка» (коробка из-под печенья) упоминается Ремизовым и в кн. «Учитель музыки. Каторжная идиллия», где Александр Корнетов (герой, наделенный биографическими чертами Ремизова) «доедал остатки своих запасов – рис, макароны, тапиоку, а вместо хлеба “конурку” – ломаное печенье и черствые, а больше окаменелые куски “Петровского времени”, собиравшиеся изо-дня-в-день в жестяные коробки из-под английского и голландского печенья <...>» (Ремизов А. Собр. соч. М., 2002. Т. 9: Учитель музыки. С. 130). Ср. там же: «Корнетов юркнул куда-то под платок, и на столе появилась связка баранок. “Ешьте конурку: московские баранки (“конуркой” называлось большое блюдо, с каждым воскресеньем подкладывалось свежее печенье, но можно было вытянуть и прошлогоднее) <...>» (Там же. С. 53). В другом месте книги свою любовь к «каменным» баранкам Ремизов передал еще одному своему alter ego – Василию Петровичу Куковникову: «Куковников питался овсянкой и эти баранки с чаем. Случались и такие, что и ножом не возьмешь и без молотка не обойдешься, по каменности превосходящие всякие сухари, – их называл Куковников “петровские”, подразумевая давность – петровское время <...>» (Там же. С. 311).*

просияло от удовольствия, и он радостно воскликнул, подмигивая и потирая руки: “Эх, что я вам сейчас покажу! Замечательная вещь: альбом для дураков!” И вслед за этим вынес какой-то чудной альбом, содержащий необычные юмористические вещи. Признаться, я не мог разобраться, что в точности означает это странное название – “Альбом для дураков”? Следует ли понимать его в том смысле, что старый писатель показывает нам образец “дурацкого” альбома как такового или что мы и есть те самые дураки, для которых он предназначен?» (I, 284)

В чем смысл этого розыгрыша? Наверное сказать трудно, но можно заметить, что главной темой этой шутки была тема ума и глупости. Если подключить национальный (еврейский) подтекст, то напрашивается такой вывод: «Ремизов подверг испытанию на остроумие/мудрость предка (отца) мудрого царя Соломона, которого звали Давид». Ведь уже в упоминавшемся стихотворении Д. Кнут прямо уподобляет себя библейскому царю Давиду, отцу царя Соломона:

«Я,
Довид-Ари бен-Меир,
Кто отроком пел гневному Саулу,
Кто дал
Израиля мятежным сыновьям
Шестиконечный щит;

Я,
Довид-Ари,
Чей пращ исторг
Предсмертные проклятья Голиафа, –
Того, от чьей ступни дрожали горы, –
Пришел в ваш стан учиться вашим песням,
Но вскоре вам скажу
Мою» (I, 77).

Наконец, своего рода национально-религиозный подтекст есть и у ремизовской шутки с упоминавшимся портретом Д. Кнута, который он якобы написал «по воображению», т. е. никогда не видел того, кого он вознамерился изобразить. В подтексте этой шутки содержится известный религиозный запрет: в иудаизме любые изображения Бога, а также изображения людей были запрещены¹⁷. Именно поэтому мистифицированный портрет Кнута, якобы написанный Ремизовым, представлял собой (как вспоминал первый) «загадочную геометрическую картину», т. е. фактически не являлся портретом человека в точном смысле этого слова.

Есть основания полагать, что шутки и розыгрыши А. Ремизова были в немалой степени рассчитаны на конкретного посетителя – учитывали его национальные, социальные и культурные представления¹⁸.

¹⁷ См.: «Не делай себе никакого изображения, ни того, что на небе вверху, ни того, что на земле внизу, ни того, что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им» (Исход XX, 4-5).

¹⁸ См., напр., в воспоминаниях Р. Гуля: «В Берлине у Ремизова на Кирхштрассе я был как-то всего раз. Но мой друг, художник Н. В. Зарецкий, очень любивший Ремизова, как великого забавника, бывал у него часто, крепко дружил с ним и много о нем рассказывал. Так, оказывается, Ремизов у себя устраивал – выдумки-игры с гостями. И вот как-то после обеда Ремизов объявил, что сегодня будет игра в ревком. И обращаясь к своей жене <...> сказал: “Ну, вот, Серафима Павловна, – стало быть, вы будете у нас – ревком!” На что Серафима Павловна, обидевшись, ответила: “Я не хочу быть ревкомом, я хочу быть царица!” Так “игра в ревком” и не состоялась» (*Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции. Нью-Йорк, 1981. Т. 1. С. 81*). Трудно сказать, на кого именно из гостей была рассчитана эта «игра в ревком», но можно предполагать, что роль «ревкома» для С. П. Довгелло (учитывая ее революционное эсэровское прошлое) не была случайной. Из ряда мистификаций, ориентированных на людей разного социального статуса, характерна след. мистификация Ремизова (относящаяся к 1925 или 1926 гг.): «Брат, приехав в Париж для своих издательских дел, потерял или у него украли, точную сумму не помню и пишу предположительно, скажем, четыреста франков, о чем при свидании Ремизову и рассказал (для брата сумма была значительной). Слух об этой краже или потере Ремизов распространил по-своему, очень метко и оригинально. Мочульскому сказал, что сорок франков, Сувчинскому – что четыре тысячи, и, когда брат спросил его о причине таких разных версий, Алексей

В этой связи – еще один пример такой специфической ремизовской мистификации. В 1950 г. востоковед В. П. Никитин, друг Ремизова, привел к нему в гости персидского писателя Санати Задэ Кермани. Об этом визите вспоминает Н. Резникова, акцентируя внимание на одной детали этого визита: «Однажды он привел своего друга, персидского поэта, и они втроем пошли к фотографу, чтобы сняться. Поэт потом написал Ремизову, что его поразило, что А. М., выходя, не запер своей квартиры, а оставил ее открытой “подобно келье дервиша” на случай прихода друзей»¹⁹.

Сам же писатель Санати Задэ вспоминал: «Когда мы вышли из квартиры и дома, он не запер двери и на листке бумаги, прикрепленной к двери, он написал: я ушел фотографироваться. Его намерение было, чтобы в его отсутствие его ученики и друзья не оказались в затруднении и свободно вошли в квартиру. Этот поступок в Европе и Париже, где всегда двери на замке и заперты для всех, заслуживает удивления, и порастил меня. Эта комната напоминает келию дервиша»²⁰. В воспоминаниях же В. П. Никитина есть еще более примечательная деталь: «После интересной беседы мы втроем ходили сниматься к фотографу <...> Любопытнее всего, однако, <...> неожиданный и смутивший добрейшего А. М-ча жест писателя-перса, поцеловавшего при прощании его руку. Санати Задэ объяснил мне, что в его глазах А. М. является как бы шейхом (старцем, главою) дервишеского ордена! Отреченность от мира сего, приличествующая мистику-дервишу, стремящемуся к слиянию

Михайлович объяснил: “Для вас четыреста франков – много, Мочульский такой баснословной суммой и представить себе не может, а Сувчинскому, ему четыреста ничто, а четыре тысячи – понятно уже”» (*Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. С. 123-124; см. также др. вариант этого анекдота: Шаховская З. Таков мой век. М., 2006. С. 273*).

¹⁹ Резникова Н. В. Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980. С. 100.

²⁰ Цит. по: Ремизов А. Павлиным пером / Публ. и вступит. ст. Н. Грякаловой. СПб., 1994. С. 237 (прим. 97).

с Божеством, поразила моего тегеранского друга при виде того, что, когда мы пошли к фотографу, А. М., уходя из квартиры, оставил дверь незапертой (как он это обычно делал, после того как, однажды, вернувшись, не мог, без помощи слесаря, открыть дверь...)»²¹

Взгляд на Ремизова как на дервиша или суфийского шейха не случаен: ведь дервиши и суфии-шейхи в исламской культуре – аналог юродивых в христианстве, или, по определению современного исследователя, «восточная периферия юродства»²². Что касается истории с незапертой дверью, то сам Никитин приводит вполне житейское тому объяснение: Ремизов однажды не смог сам открыть дверь в квартиру, и потому, уходя, он и не запирает ее. Можно предположить, что игра в дервиша-суфия и сценка с незапертой дверью была специально выбрана Ремизовым для гостя из Персии – той страны, где суфизм получил особенное распространение.

Еще один розыгрыш Ремизова середины 30-х годов, основанный на культурно-конфессиональном коде объекта розыгрыша, мы находим в мемуарном очерке Г. Газданова: «Как-то к Ремизову пришел молодой писатель, кавказец по происхождению, но выросший и воспитавшийся в России, и которого родной язык был русский»²³. Ремизов с ним разговаривал, сбoku и с опаской на него поглядывая, и время от времени делал успокоительные жесты Серафиме Павловне.

²¹ Никитин В. «Кукушкина»: (Памяти А. М. Ремизова) // Ремизов А. Павлиным пером. С. 228.

²² См.: Иванов С. А. Византийское юродство. М., 1994. С. 157-165. Создавая цикл «Суфийная мудрость» (1955–1957), вошедший в кн. «Павлиным пером», Ремизов включил в него несколько легенд о знаменитых мудрецах-суфиях. Заметим также, что интерес Ремизова к суфизму лежит в том же русле, что и интерес к древнерусскому юродству, некоторым аналогом которого и был суфизм. О феномене юродства в автобиографическом мифе Ремизова см.: Доценко С. «Библией мух бьет!»: Автобиографич. миф А. Ремизова // Русский модернизм и литература XX века: Блоковский сб. XVII. Тарту, 2006. С. 102-138.

²³ С большой долей вероятности можно полагать, что «кавказец» в рассказе Г. Газданова – он сам.

Гость не мог всего этого не заметить и спросил Ремизова, в чем дело.

– Ну, уж я вам лучше начистоту... все скажу, легче на сердце станет. Вы на нас не сердитесь. Понимаете, Серафима Павловна... ее ведь тоже понять нужно. Она на ваш счет, знаете, сомневается и робеет – боится спросить, – вдруг, не дай Бог, чего-либо выяснится.

– В чем сомневается Серафима Павловна?

– Я вам, так и быть, скажу. Серафима Павловна... так будет лучше, сразу все узнаем... Вот в чем дело... сказать-то нелегко, не всякий решится. Ну, да будь что будет. Серафима Павловна хотела бы знать: вы крещеный или нет?

– Помилуйте, Алексей Михайлович, крещен в городе Петербурге.

– Ну, вот видите, ну, слава Богу. Я-то, признаться, так и думал, только не смел сказать. Серафима Павловна, я же вам говорил и раньше, – ну, какой он мусульманин? Он православный, по глазам видно. У мусульман глаз другой, вроде темный, а тут все ясно. Ну, спасибо, дорогой, вот уж утешили. И Серафима Павловна вздохнет свободно, я знаю, как она сейчас счастлива.

Все это тоже была ремизовская игра. Ремизов прекрасно знал, что его гость православный, знал его несложную биографию, и никаких сомнений ни у него, ни у Серафимы Павловны никогда не было»²⁴.

Другой характерный анекдот-розыгрыш Ремизова относится к 1947 г. О нем вспоминает А. Седых: «Вскоре после окончания войны, когда в советском посольстве на рю Гренелль появились – ненадолго – многие видные эмигранты, Богомолов пригласил к себе и Ремизова. Ремизов пришел. Была зима, и он надел теплую куртку, сверху еще что-то и вырядился в белые башмаки, – не то по бедности, не то белые башмаки должны

²⁴ Газданов Г. О Ремизове: Из беседы на радиостанции «Свобода», 1971 г. // Ремизов А., Зайцев Б. Проза. М., 1997. С. 573-574.

были сыграть роль елочной серебряной бумаги, которой украшал свою жизнь Алексей Михайлович. Вышли Богомоллов и Молотов. Полпред поздоровался и, не зная, как начать разговор, спросил:

– Ну, как поживаете, Алексей Михайлович?

И Ремизов, подняв кверху свои круглые очки, певуче ответил:

– Благодарю. Хорошо. Только вот что-то мышки мои стали пошаливать. Беспокоят меня.

Богомоллов немного испугался.

– Как, мыши? Разве у вас в квартире есть мыши?

– Есть, – покорно сказал Ремизов, – висят под потолком на ниточке.

Богомоллов, видимо, не знал о ремизовском зверинце и замолчал. На этом беседа на политические темы закончилась, и в Россию Алексей Михайлович не поехал. А позже друзьям жаловался:

– Посадили меня, и на все вопросы я ответил. А разговаривать сам не мог. Все расплывалось, в глазах рябило и скакали лягушки»²⁵.

Разговор о мышках в присутствии высоких официальных лиц – это, скорее всего, симуляция разговора душевнобольного или юродивого. В качестве дешифрующего кода к этому эпизоду Ремизов не случайно упоминает лягушек²⁶. Дело в том, что в 1901 г. политический ссыльный Ремизов, чтобы добиться перевода из Устьсысольска в Вологду, придумал себе душевную болезнь: якобы ему привиделись «розовые лягушки»: «Объявить меня сумасшедшим – единственный для меня

²⁵ Седых Андрей. *Далекое, близкие*. 3-е изд. Нью-Йорк, 1979. С. 114-115.

²⁶ См. также в письме Н. Кодрянской (от 2 июля 1947 г.): «А вот вам из сегодняшнего дня: взяли меня в Посольство. Посадили с Молотовым и Богомолловым. Я все смотрел. А в разговорах у меня ничего не выходит, т. е. нужно долго и много говорить. Не гожусь ни на какие собрания. Все расплывается, в глазах рябит и скачут лягушки» (*Кодрянская Н. Алексей Ремизов*. Париж, 1959. С. 190).

выход. Завтра Щеголев и Савинков пойдут к губернатору с моим медицинским свидетельством, да и от себя прибавят. <...> “Да это, как во сне: вдруг или как занавес подыметя и попадеш в другой мир. Например, вот пустое место, – и я покружил в воздухе, – и вот разорвалось, смотрите, вы видите: лягушки – и вверх и вниз”. “Какие лягушки?” “Розовые”. Щеголев больше меня не спрашивал: “розовых лягушек” с него довольно. На следующий день в приемной у губернатора <...> Князев сослался на Слезкина – неблагоприятный отзыв Устьсысольской полиции, обыск – тут Щеголев мое прошение и свидетельство Малиновского и Аптекмана. Прощение просто: не возвращаться в Устьсысольск, а свидетельство сложнее – пишется всегда на выворот, неученому не разобрать, но в заключение об “угрожающих признаках”. За эти “угрожающие признаки” Щеголев и ухватился: помянул “лягушек”. “Какие лягушки?” – спросил Князев. “Розовые”. <...> “Розовые лягушки” победили. Князев согласился»²⁷.

Иными словами, в 1947 г. Ремизов разыграл ту же сценку, что была разыграна в 1901 г. на приеме у вологодского губернатора Л. М. Князева, которого он убедил (при посредничестве П. Щеголева и Б. Савинкова) в своей ненормальности именно «розовыми лягушками». Только теперь он заменил «лягушек» – на «мышек».

Очевидно, что в своих розыгрышах и мистификациях Ремизов пользуется различными культурными кодами, выбирая их в зависимости от национального, социального, психологического или какого-либо иного имиджа объекта розыгрыша²⁸.

²⁷ Ремизов А. Собр. соч. М., 2000. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. С. 449-450.

²⁸ См., напр., ремизовский розыгрыш на петербургской квартире В. В. Розанова в связи с увлечением последнего эротическими темами и проблемами: Доценко С. К проблеме дешифровки одного анекдота из мемуарной книги А. Ремизова «Кукха» // Русская литература. 2005. № 1. С. 179-187.

SUMMARY

RUSSIAN-JEWISH JOKES: ALEKSEI REMIZOV SEEN
THROUGH THE EYES OF DOVID KNUT

Sergei Dotsenko
(Tallinn)

This article explores the Dovid Knut's reception of writer Aleksei Remizov's image. Knut's autobiographical sketch about him meeting A. Remizov in Paris in the beginning of the 1930-s represents in itself an interesting material for decoding Remizov's mystifying behavior. At the same time Knut's sketch gives the idea of Remizov's own perception of the Russian-speaking Jewish poet Dovid Knut. In his practical jokes and mystifications Remizov has been using diverse cultural codes, choosing one or another dependently on national, social, characterological or any other image of the object for the joke at hand.